

Пес кинулся на него, чтобы обнять, с огромной силой, но Янь Янь разглядел в его чрезмерной ласке злой умысел. Без колебаний он сбросил пса с себя, бросил школьную сумку и стремительно направился в туалет.

Менее чем за полминуты маленький сорванец вылетел из туалета, словно вихрь, ворвался в дом, схватил рулон бумаги и снова помчался обратно.

Пес:

— ...Мяу.

В доме бабушка Шао и Шао Ицянъ замерли в состоянии холодной войны.

Шао Ицянъ, конечно, был обижен. Бабушка Шао в школе, при всех одноклассниках, отделала его так, что он весь был в синяках. Детское самолюбие, пышное, но без корней, получило сто тысяч единиц урона, и ему было стыдно показывать лицо.

Ведь среди детей, собравшихся у ворот, треть была теми, кого он сам бил, треть — теми, с кем он делил острые палочки, треть — теми, кто называл его «старшим братом», а остальные — теми, кто в будущем должен был ему поклоняться. Группа детей, которых он обычно подавлял, теперь наблюдала, как его самого лупят. Это чувство... тьфу, просто кисло.

Но всё же «два Шао одной крови не напишешь», и его мелкие обиды исчезли сами собой, как только он понял, что ужина и след простыл. К тому же в его глазах малейшая ошибка чужого была огромной, и если ему что-то не нравилось, он начинал буяннить. Но ошибки своих — это не ошибки, тем более если это его родная бабушка.

Он крутился вокруг бабушки Шао, пытаясь поймать хоть один её взгляд, но... безрезультатно. Бабушка даже не смотрела в его сторону, не говоря уже о том, чтобы обратить внимание.

Шао Ицянъ забеспокоился и, впервые за сто лет, смягчил голос, протянув:

— Бабуль, я ошибся, не сердись.

Пес, проходивший мимо с половиной свиного хвостика, был настолько шокирован этим детским извинением, что хвостик выпал у него из пасти с чавканьем. Старый кот и Шао Ицянъ встретились взглядами, и кот, увидев убийственный блеск в глазах мальчика, чуть не подпрыгнул от страха.

Эти глаза словно говорили:

— Чего уставился? Никогда не видел почтительного внука?

Бабушка Шао не обращала на него внимания. Как бы он ни лебезил, она продолжала спокойно сидеть и шить обувь.

Шао Ицянъ осторожно положил руку на плечо бабушки и, не встретив сопротивления, обнял её за шею, слегка покачивая:

— Бабуль.

Бабушка Шао продолжала игнорировать его.

Как говорится, «в доме старик — как сокровище», но в данном случае эти двое просто создали

пару: один не уважает старших, другой не любит младших.

Янь Янь, вымыв руки, вернулся в дом, молча поставил маленький столик и уселся на стул, начиная делать домашнее задание. Он был левшой, и, несмотря на то, что в комнате было двое живых людей, он продолжал писать, полностью сосредоточившись, не проявляя ни малейшего интереса к происходящему вокруг.

Шао Ицянью, несколько раз безуспешно пытавшийся разжалобить бабушку, в расстроенных чувствах направился на кухню, достал свою полупустую пачку острых палочек и, с хитрой улыбкой, присел рядом с Янь Янем, льстиво спросил:

— Дядя, выручай?

Янь Янь медленно произнес:

— А?

Он взглянул на пачку, которая, несмотря на открытый верх, оставалась свежей, и сразу понял, что Шао Ицянью «замыслил недоброе». Затем он равнодушно отвел взгляд.

Шао Ицянью:

— ...

Он сдался, достал свою тетрадь, которую уже успел подвергнуть «термической обработке», и притворился, что старательно пишет, хотя на самом деле лишь украдкой поглядывал на часы, ожидая начала соревнований на канале с оперой.

Непоседа везде непоседа. Сидя за одним столом с Янь Янем, он начал трясти ногой, что вскоре передалось и Янь Яню.

Янь Янь, раздраженный, поднял голову, пытаясь взглядом передать:

— Ты не можешь успокоиться?

Шао Ицянью, покрутив глазами, тут же придумал гнусную идею — начал трясти ногой еще сильнее, чуть ли не превратив её в автоматизированный механизм. Не хочешь помогать? Ну что ж, давай калечить друг друга.

Янь Янь, с досадой, надул щеку, подумал немного и подозвал своего несносного племянника, поманив указательным пальцем.

Они шептались, совещаясь, и, кажется, быстро пришли к соглашению. Бросив карандаши, они побежали на кухню, ведя себя подозрительно, и неизвестно, что задумали.

Бабушка Шао, как обычно осенью, шила подошвы для обуви, причем в количестве, значительно превышающем потребности семьи. Если считать, то на каждую ногу в семье приходилось по четыре подошвы, не говоря уже о различных «комплектах».

Она наблюдала, как дети шептались, а затем побежали куда-то, и, хотя уже пора было ложиться спать, они все еще не вернулись. Если бы они задержались еще немного, она бы подумала, что они выращивают грибы на гектаре земли.

Она убрала корзину с нитками и иголками, собираясь встать, как вдруг дети вернулись,

принеся с собой огромный сюрприз.

Они несли старый, выдавший виды таз для ног, торжественно возвращаясь с победой.

В тазу, как вы догадались, была вода для ног.

Но что это за лепестки, плавающие на поверхности? При ближайшем рассмотрении, у человека с боязнью скоплений могла бы начаться паника.

На поверхности воды лежал слой тонких лепестков — желтых, красных и красно-желтых, похожих на лепестки пионов. Они лежали слоями, как если бы кто-то, заваривая чай, случайно высыпал целую пачку в одну каплю воды. Только по движению лепестков можно было понять, что внизу есть вода. В общем, зрелище было жутковатым.

Неизвестно, сколько цветов они успели испортить.

Бабушка Шао сдержанно улыбнулась:

— ...

Неужели они решили устроить ей VVIP-ванну для ног с лепестками, чтобы помочь её старым и слабым ногам?

Шао Ицянью и Янь Янь, ничего не зная о мыслях бабушки, с серьезными лицами несли таз с лепестками, словно это был флаг, который они торжественно несли на параде.

При ближайшем рассмотрении, на лицах детей были следы сажи, и казалось, что волосы Янь Яня слегка опалены огнем.

Поставив таз, Шао Ицянью сначала включил телевизор на канал с оперой, а затем, с энтузиазмом, семеня мелкими шагами, подбежал к бабушке, усадил её на стул и, не говоря ни слова, начал закатывать рукава.

Его лицо было настолько серьезным, что можно было подумать, будто он читает молитву. На самом деле, он просто собирался мыть ноги.

Бабушка Шао днем не пощадила его, оставив на его теле следы от ударов, хотя и не до синяков, но легкие отеки все же были. Шао Ицянью, сидя на корточках, опустил голову, и его шея до сих пор была красной.

Совпадение или нет, но на канале с оперой как раз шла сцена «Третья мать учит сына».

Шао Ицянью опустил голову так низко, что казалось, будто он собирается выпить воду из таза. Бабушка Шао, опасаясь, что пар может обжечь его, хотела хлопнуть его по плечу, чтобы он поднял голову, как вдруг услышала его жалобное бормотание:

— Бабуль, я ошибся. Я не должен был грубить той женщине. Я ребенок, я не должен перебивать взрослых. Я не должен был опрокидывать умывальник, не должен был прыгать на стол. Не сердись, я больше так не буду, ладно?

Янь Янь, сидя рядом, мыл другую ногу, тоже опустив голову. Он подхватил:

— Тётя, он понял свою ошибку. Он сказал, что будет мыть тебе ноги целый месяц, не сердись.

В его тоне слышалась снисходительность и терпение старшего к младшему, что, учитывая его возраст, звучало одновременно смешно и мило.

...Ну, Янь Янь, видимо, вырос на свиных хвостиках и сладостях.

Шао Ицянъ замер, желая окунуть голову Янь Яня в таз с водой — он никогда такого не говорил.

Но, поскольку он еще не получил прощения от бабушки, он сжал зубы и сквозь них произнес:

— Да, целый месяц, бабуль, не сердись.

<http://bllate.org/book/16843/1549614>